

18+

Помнишь,
Эдгар Аллан По?

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ

Александр Зайцев
Помнишь, Эдгар Аллан По?
Ты дал мне жизнь.
Теперь дай мне смерть

<https://litres.ru/74153599>

ISBN 9785007019583

Аннотация

Однажды Эдгар По получил письмо от самого себя. Одно слово: «Помнишь?»

Он поехал на встречу. И попал в город, где его ждали все, кого он убил на бумаге.

Лигейя. Родерик Ашер. Береника. Тени, которые шевелятся на стенах.

Им есть что сказать ему. А ему есть, за что просить прощения.

Мистическая биография. Суд над творцом. Книга о том, что каждое слово имеет вес — и однажды каждому автору придётся за него ответить.

Помнишь, Эдгар Аллан По?

Содержание

— — ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПРИГЛАШЕНИЕ	5
I	5
II	10
III	14
IV	16
V	18
VI	20
VII	22
— — ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ГОРОД МАСОК	25
I	25
— — II	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Помнишь, Эдгар Аллан По?
Ты дал мне жизнь.
Теперь дай мне смерть**

**Александр
Юрьевич Зайцев**

© Александр Юрьевич Зайцев, 2026

ISBN 978-5-0070-1958-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ПОМНИШЬ, ЭДГАР АЛЛАН ПО?

— — ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПРИГЛАШЕНИЕ

I

Истинно то, что я болен. Болен давно — так давно, что сама болезнь стала для меня здоровьем, а здоровье, если изредка оно и посещало меня, казалось чужеродным, почти неприличным состоянием, в котором я не знал, куда девать руки и как дышать, чтобы не потревожить эту хрупкую, непрощеную гостью.

Врачи говорят о моём сердце. Они всегда говорят о сердце — это удобно, это ничего не объясняет и избавляет от необходимости искать дальше. Сердце, милостивые государи, у меня действительно не в порядке. Но не то сердце, которое можно выслушать трубкой, прижав её к груди. То сердце, о котором я говорю, не бьётся — оно стучит. Стучит в висках по ночам, когда я пытаюсь уснуть. Стучит в пальцах, когда я держу перо. Стучит в каждой написанной строке, которую потом перечитываю и не узнаю — не потому, что строка плоха, а потому, что она написана кем-то другим, кем-то, кто живёт внутри меня и не платит за квартиру.

Я иногда думаю: что, если этот другой — настоящий я? А тот, кто сидит сейчас в этом кресле, смотрит на увядающий сад и слушает шаги Эльмиры в коридоре, — лишь оболочка, лишь черновик, который когда-нибудь сожгут или потеряют?

Сейчас я в Ричмонде. Сентябрь 1849 года. За окном — увядающий сад, который Эльмира всё ещё пытается поддерживать в порядке, хотя листья уже осыпаются и гниют на земле, образуя тот особый, сладковатый ковёр, по которому так хорошо идти, зная, что под ногами — смерть, но смерть красивая, почти приличная, смерть, которую можно показывать гостям.

Эльмира. Она думает, что я женюсь на ней. И, вероятно, я действительно женюсь — если, конечно, доживу до ноября. Она добра ко мне. Она заботлива. Она приносит мне чай и смотрит с той особой тревогой, с какой смотрят на часы, которые вот-вот остановятся, и никто не знает, когда это случится — завтра или прямо сейчас, пока стоишь и смотришь.

— Ты опять не спал, — говорит она, входя без стука. В руках у неё поднос с завтраком, который я не буду есть. — У тебя глаза красные.

— Я читал, — отвечаю я.

Это ложь. Я не читал. Я сидел в кресле и смотрел на стену. На стене — тени от свечи. Они шевелились. Я следил за ними и думал о том, что тени, пожалуй, честнее людей. Они не притворяются, что они — это нечто большее, чем отсутствие света. Они просто есть — и исчезают, когда гаснет пламя. Люди же... люди умеют исчезать, не переставая казаться.

— Тебе надо отдыхать, — говорит Эльмира. — Доктор сказал...

— Доктор сказал, что я умру, — перебиваю я. — Рано или поздно. Это единственное, в чём доктора никогда не ошибаются.

Она вздыхает. Она привыкла. За те месяцы, что я провёл здесь, она привыкла ко всему — к моим ночным бдениям, к моей раздражительности, к тому, что я могу молчать целыми днями, а потом вдруг заговорить так, что слова сыплются градом, и остановиться невозможно, и хочется только одного — чтобы этот град побил всё вокруг, включая её саму, лишь бы не держать это в себе.

— Тебе письмо, — говорит она, протягивая конверт. — Принесли утром.

Я беру конверт и сразу понимаю: что-то не так.

Бумага хорошая, дорогая, но от неё исходит странный запах. Запах гари. Не той, какой пахнет камин или сгоревшая свеча, — иной, глубокий, въевшийся в волокна так, словно бумагу эту держали над пламенем долго, очень долго, но так и не дали сгореть.

На конверте — моё имя. И адрес. И всё это написано моим собственным почерком.

— Кто принёс? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Не знаю. Мальчишка какой-то. Сказал, что срочно. И убежал.

— Мальчишка?

— Да. Лет двенадцати. Грязный, оборванный. Я хотела расспросить, но он уже скрылся.

Я вскрываю конверт. Внутри — один лист. На листе — одно слово.

Помнишь?

И ниже — адрес. Таверна «Золотая подкова». Балтимор.

Почерк снова мой. Но странный, не такой, каким я пишу сейчас. Моложе. Так я писал двадцать лет назад, когда ещё не знал, что каждое слово придётся оплачивать бессонницей.

— Что там? — спрашивает Эльмира, заглядывая через плечо.

— Ничего, — отвечаю я. — Приглашение.

Я не знаю, зачем я ей лгу. Быть может, потому что правда слишком странна даже для меня самого. Письмо от самого себя. Из прошлого? Из будущего? С того света? Здесь, в Ричмонде, в этой уютной комнате с завтраком на подносе и заботливой женщиной, которая хочет меня спасти, такая правда звучала бы безумием.

А я не хочу, чтобы меня считали безумным. Я хочу, чтобы меня считали странным. Это более rispetабельно.

II

Она уходит, и я остаюсь один с письмом в руках.

Помнишь?

Помню ли я? Этот вопрос преследует меня всю жизнь. Помню ли я лицо матери — Элизы, актрисы, умершей, когда мне было два года? Нет, почти не помню. Помню только запах — духов, пудры, чего-то театрального, что осталось со мной навсегда и всплывает каждый раз, когда я вижу сцену. Помню ли я приёмную мать, Фрэнсис Аллан, которая любила меня и умерла, когда я был ещё подростком? Да, помню. Помню её руки, её голос, её слёзы, когда Джон Аллан — её муж, мой приёмный отец — отказывался платить за моё обучение. Помню ли я Вирджинию?

Я закрываю глаза.

Вирджиния.

Она была моей кузиной, моей женой, моим ребёнком, моей матерью, моей музой, моей смертью. Мы поженились, когда ей было тринадцать, мне — двадцать семь. Люди говорили, что это неприлично. Люди всегда говорят, что что-

то неприлично. А она просто была — тоненькая, бледная, с огромными глазами, в которых светилась вся та боль, что ей предстояло пережить со мной.

Я помню, как она пела. У неё был тихий, чистый голос, и когда она пела, мне казалось, что ангелы спускаются на землю. Я помню, как она кашляла. Первый раз это случилось зимой 1842 года. Кровь на платке. Я стоял и смотрел на эту кровь и не мог пошевелиться. Я знал, что это значит. Чахотка. Смерть. Медленная, мучительная, неизбежная.

Пять лет она умирала. Пять лет я смотрел, как тает её тело, как бледнеет её лицо, как гаснут её глаза. Я писал, чтобы не сойти с ума. Я писал «Ворона», «Колодец и маятник», «Сердце-обличитель». Я писал о смерти, потому что смерть жила со мной в одной комнате.

— Ты опять ушёл в себя, — говорит Эльмира, снова появляясь в дверях. — Завтрак стынет.

Я смотрю на поднос. Яйца, хлеб, чай. Всё это кажется мне чужим, ненастоящим, реквизитом из чужой пьесы.

— Я не голоден, — говорю я.

Она вздыхает и ставит поднос на столик у окна. Садится

напротив. Смотрит на меня долго, изучающе.

— Эдгар, что с тобой происходит? Последние дни ты сам не свой.

— Я никогда не был своим, — отвечаю я. — Это не новость.

— Ты понимаешь, о чём я.

Я молчу. Она ждёт. Я знаю, что она будет ждать сколько угодно. Эльмира умеет ждать. Это её дар и её проклятие.

— Мне нужно в Балтимор, — говорю я наконец.

— Зачем?

— Там... там есть одно дело.

— Какое дело?

— Я не могу тебе объяснить.

— Ты никогда не можешь мне объяснить, — в её голосе проскальзывает горечь. — Ты всегда уходишь в свою тьму и не берёшь меня с собой. Я пыталась понять тебя, Эдгар.

Я читала твои рассказы. Я знаю, что ты гений. Но я не хочу быть просто сиделкой при гении. Я хочу быть твоей женой.

— Ты будешь моей женой.

— Если ты доживёшь до свадьбы, — говорит она тихо.

Мы оба знаем, что это правда.

III

После обеда я поднимаюсь наверх, в комнату, которая когда-то была комнатой Вирджинии.

Эльмира сохранила её почти нетронутой. Не знаю, почему. Быть может, из жалости ко мне. Быть может, потому что сама чувствует присутствие той, кто была здесь до неё.

Я сажусь на старый стул у окна. За окном тот же сад, те же деревья. Здесь всё то же самое. Только Вирджинии нет.

Я помню тот день, когда она умерла. 30 января 1847 года. Мороз. Солнце светило, но не грело. Она лежала на этой кровати, худенькая, почти прозрачная, и дышала с трудом. Я держал её за руку. Рука была холодной, но она ещё сжимала мои пальцы.

— Не уходи, — шептал я. — Пожалуйста, не уходи.

Она улыбнулась. До сих пор помню эту улыбку — слабую, усталую, но полную такой любви, что у меня разрывалось сердце.

— Я всегда буду с тобой, Эдди, — сказала она. — В каж-

дой твоей строчке.

Она умерла вечером. Я сидел рядом до утра, держал её руку, которая становилась всё холоднее, и не мог заплакать. Слезы пришли потом, через неделю, через месяц, через год. Они приходят до сих пор. Они никогда не кончатся.

В комнате пахнет пылью и увядшими цветами. Я встаю, подхожу к комоду, открываю ящик. Там лежат её вещи — платья, кружева, старые письма. Мои письма. Я беру одно, разворачиваю. Молодой почерк, пыльные слова. Я писал их, когда был счастлив. Когда думал, что счастье может длиться вечно.

Глупец.

Я кладу письмо обратно, закрываю ящик и выхожу из комнаты.

Внизу Эльмира хлопчет на кухне. Слышен запах пирогов. Она пытается накормить меня, согреть, спасти. Она не понимает, что спасти уже некого. Что я уже давно там, где ни пироги, ни чай не помогут.

IV

Ночью мне снится сон.

Я стою на улице. Город незнаком, но я знаю, что это Балтимор — знаю так, как знаешь во сне то, что наяву невозможно знать. Дома по обе стороны улицы горели. Пламя лижет стены, вырывается из окон, поднимается к небу, но не слышно ни звука. Ни треска, ни шипения, ни криков. Тишина стоит такая совершенная, что она звенит — звенит в ушах, в висках, в каждой клетке тела.

На мостовой лежат люди. Они скорчены, обгорелы, иные — без лиц, иные — без рук, иные — вообще не люди, а только тени, отпечатавшиеся на камне, но тени эти шевелятся, тянут ко мне обрубки, пытаются что-то сказать — и не могут, потому что в этом городе нет звуков.

Я иду вперёд. Трава под ногами — если это трава — гремит как жестяная, хотя ветра нет. Деревья вдоль дороги стоят голые, скорченные, и ветки их тянутся в стороны, как руки утопленников, которые уже не надеются на спасение, но продолжают звать по привычке.

В конце улицы стоит женщина. Я узнаю её сразу — по

походке, по наклону головы, по тому, как падает свет на её плечи.

Вирджиния.

Я бегу к ней. Ноги не слушаются, воздух густой, как патока, я продираюсь сквозь него, задыхаюсь, но бегу. Она стоит и ждёт. Когда я уже в нескольких шагах, она поворачивается.

Лица у неё нет.

Только гладкая, обгорелая поверхность, на которой шевелятся тени — те самые, что лежали на мостовой.

Я кричу.

И просыпаюсь.

В комнате темно. За окном — ветер. Эльмира спит в соседней комнате — я слышу её ровное дыхание. Свеча догорела и погасла, оставив после себя запах воска и темноты.

Я сажусь на кровати. Руки дрожат. Сердце колотится где-то в горле.

На столе лежит письмо. Оно не приснилось.

V

Утром я собираю вещи.

Их немного — смена белья, рукописи, которые я беру с собой всегда, на всякий случай (а вдруг допишу? а вдруг закончу? а вдруг в этом проклятом Балтиморе найдётся тишина, в которой мысли не будут роиться змеиными клубками?), и то самое письмо. Я кладу его во внутренний карман сюртука — ближе к сердцу, тому самому, которое врачи называют больным.

Эльмира не плачет. Она держится с достоинством, которое страшнее любых слёз. Помогает застегнуть чемодан, поправляет мне воротник, целует в щёку сухими, холодными губами.

— Напиши, как доедешь, — говорит она.

— Напишу, — вру я.

— Эдгар...

Я оборачиваюсь. Она стоит в дверях, маленькая, хрупкая, с глазами, полными слёз, которые она не даёт себе пролить.

— Ты вернёшься?

Я смотрю на неё и понимаю, что не могу сказать правду. Не могу сказать, что, кажется, ухожу навсегда. Не могу сказать, что этот город, эта женщина, эта жизнь — всё это уже позади, что я уже там, в том сне, на той улице с горящими домами.

— Вернусь, — говорю я.

Она кивает. Она не верит. Но ей нужно, чтобы я так сказал.

VI

На вокзале многолюдно. Сентябрь в Ричмонде — ещё почти лето, но уже с привкусом осени, той самой, которая пахнет увяданием и дальними дорогами. Я сажусь в вагон, нахожу место у окна. За окном мелькают лица провожающих — чужие, равнодушные, занятые своим.

Поезд трогается.

Я смотрю, как уплывает назад вокзал, потом дома, потом окраины, потом поля. Деревья за окном ещё зелёные, но где-то на периферии зрения мне всё время чудятся иные — голые, скорченные, тянущие обрубки веток в стороны.

Я закрываю глаза.

Стук колёс убаюкивает. В этом стуке есть ритм, почти музыка, почти тот самый ровный гул, который я так люблю в тавернах — гул, в котором можно раствориться, спрятаться от собственных мыслей, стать никем, просто частью общего шума.

Мысли не приходят. Впервые за долгое время — не приходят.

И это страшнее, чем любой рой змей.

Я открываю глаза и достаю письмо. Разворачиваю. Читаю снова: «Помнишь?»

— Помню, — говорю я вслух.

Сосед напротив — толстый коммерсант с красным лицом и бакенбардами — косится на меня с подозрением. Я улыбаюсь ему той особой улыбкой, какой улыбаются люди, которых лучше не трогать. Он отворачивается к окну.

Поезд несёт меня в Балтимор.

Или в ад?

Впрочем, для человека, который двадцать лет писал об аде, какая разница?

VII

К вечеру я задрёмываю.

Сон чуткий, поверхностный — я слышу стук колёс, слышу голоса в соседнем купе, слышу, как где-то плачет ребёнок, и мать успокаивает его усталым, безнадёжным голосом. И сквозь всё это — сквозь стук, голоса, плач — проступает иное.

Город.

Тот самый, из сна.

Он приближается. Я не вижу его, но чувствую — кожей, затылком, кончиками пальцев. Он ждёт. Он уже близко. Он дышит — и дыхание его — тот самый запах гари, который я уловил на конверте.

— Балтимор, — говорит кто-то. — Через полчаса прибываем.

Я открываю глаза. За окном уже начинаются пригороды — бедные домишки, пустыри, фабричные трубы. Серое небо. Серые крыши. Серые лица на перронах, мимо которых

мы проносимся, не останавливаясь.

Ничего особенного. Обычный город. Обычная осень. Обычная жизнь, которая вот-вот кончится.

Я достаю из кармана письмо и перечитываю адрес.

Таверна «Золотая подкова».

Я бывал в ней когда-то. Давно. В другой жизни. Тогда она была весёлым местом, где собирались литераторы, актёры, просто любители выпить и поговорить. Теперь... что там теперь? И главное — кто там?

Поезд замедляет ход. За окном плывут склады, пакгаузы, ржавые составы на запасных путях. Балтимор встречает меня обычной своей неприветливостью — той особой, портовой угрюмостью, которая въедается в душу быстрее, чем туман въедается в кости.

Поезд останавливается.

Я беру чемодан и выхожу на перрон.

Воздух здесь другой. Гуще. Тяжелее. В нём чувствуется привкус соли, угля и ещё чего-то — того самого, что я не

могу определить, но что узнаю сразу.

Запах гари.

Тот самый, с конверта.

Я оглядываюсь. Вокзал живёт своей обычной жизнью — носильщики таскают багаж, дамы в капорах суетятся у входа, газетчики выкрикивают новости. Всё как всегда. Всё обычно.

Но где-то там, в глубине города, ждут.

Я это знаю.

И я иду.

— — ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ГОРОД МАСОК

I

Балтимор встретил меня туманом.

Не тем лёгким, утренним туманом, который рассеивается с первыми лучами солнца, — иным, тяжёлым, жёлто-серым, он лежал на улицах, как больное одеяло, которым накрывают умирающего, когда уже всё равно, тепло ему или холодно. Он затекал в ноздри, в горло, в лёгкие, и каждый вздох давался с усилием, словно воздух здесь не хотел быть воздухом, а предпочитал быть чем-то более плотным, более осязаемым — быть может, той самой материей, из которой делают сны и кошмары.

Я вышел с вокзала и остановился.

Солнце стояло высоко — я знал это, потому что видел его диск, бледный, как лицо мертвеца, сквозь пелену тумана. Но света оно не давало. Совсем. Тени на мостовой лежали не там, где им полагалось лежать, — они тянулись не от меня,

а ко мне, словно весь город был гигантским негативом, где свет и тьма поменялись местами.

Я оглянулся на вокзал. Он был там, где и должен быть, — массивное здание из тёмного камня, с часами на башне. Часы показывали половину четвёртого. Странно: я выехал из Ричмонда утром, дорога должна была занять не больше пяти часов, но солнце стояло так, словно было либо раннее утро, либо поздний вечер. Я посмотрел на часы ещё раз. Стрелки не двигались.

— Простите, сэр, который час? — спросил я у проходившего мимо носильщика.

Он остановился, посмотрел на меня пустыми глазами, открыл рот — и ничего не сказал. Рот его открывался всё шире, шире, чем это вообще возможно для человеческого рта, и оттуда, из глубины, пахнуло тем же запахом — гарью, въевшейся в бумагу.

Я отшатнулся. Носильщик закрыл рот, повернулся и пошёл дальше, не сказав ни слова.

— Час, — донеслось до меня откуда-то сбоку. — Час, час, час...

Я обернулся. На скамейке у входа сидел старик в лохмотьях и раскачивался вперёд-назад. Он повторял это слово бесконечно, как заведённый механизм, у которого сломалось что-то внутри, но остановиться он уже не мог.

Я подошёл к нему. Он не обратил на меня внимания.

— Час, час, час, час...

— Что час? — спросил я.

Он поднял голову. Глаз у него не было — только две тёмные впадины, в которых клубилась та же серая муть, что и в воздухе вокруг.

— Час пришёл, — сказал он. — Ваш час. Наш час. Час всех.

И снова закачался, и снова забормотал:

— Час, час, час, час...

Я отошёл. Сердце колотилось где-то в горле, но не от страха — от странного, почти забытого чувства, которое я не сразу смог назвать. Это было узнавание. Я был здесь. Я всё это уже видел. Во сне. В тех снах, которые мучили меня послед-

ние недели, месяцы, годы — всю жизнь, быть может.

Город был тем самым городом из моего сна.

И я был здесь, чтобы встретиться с теми, кто ждал.

— — II

Я двинулся вперёд, сам не зная куда. Адрес таверны был у меня в кармане, но ноги не слушались — они несли меня по улицам, мимо домов, мимо людей, мимо витрин, в которых не было товаров, только пустота, затянутая пыльной паутиной.

Люди попадались часто. Слишком часто для такого туманного дня. Они шли по своим делам, торопились, толкались, переговаривались — но голоса их звучали странно, приглушённо, словно доносились из-под толщи воды. И ни один из них не смотрел на меня. Я был для них пустым местом, тенью, которую они обходили, даже не замечая.

Я протянул руку и коснулся плеча одного прохожего — хорошо одетого господина в цилиндре, с тростью, явно спешащего по делам. Рука моя прошла сквозь него.

Не сквозь одежду, не сквозь тело — сквозь само понятие этого человека. Он был не плотью, а только воспоминанием о плоти, только отпечатком, тенью, оставшейся на стекле после того, как фотограф убрал камеру.

Я отдёрнул руку. Господин в цилиндре шёл дальше, не

оборачиваясь.

— Вы их не видите, — сказал голос за моей спиной.

Я обернулся. Никого.

— Вы их не видите, потому что они не здесь, — продолжал голос. — Они там, где вы. А вы там, где они. Но между вами — стекло. Тонкое. Почти незаметное. Но стекло.

— Кто ты? — спросил я.

— Я тот, кто ждал, — ответил голос. — Мы все ждали. Вы пришли. Теперь можно начинать.

— Что начинать?

— Игру. Суд. Процессию. Называйте как хотите. Вы придумали правила, мистер По. Вы придумали нас. Теперь мы придумаем вас.

Я хотел ответить, но голос замолк. Вместо него из тумана выступила фигура — высокая, тощая, одетая в лохмотья, которые когда-то были дорогим костюмом. Лица у неё не было — только гладкая поверхность, на которой проступали и исчезали черты: глаз, рот, нос, снова глаз, но не на месте,

выше, где положено быть лбу, и рот кривой, перекошенный, и всё это шевелилось, пульсировало, пыталось сложиться в выражение, но не могло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.